

Чернякова Наталия Степановна

ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНЫХ ТЕРМИНОВ КАК ПРЕДМЕТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

В статье рассматриваются референтативные аспекты значения терминов естественнонаучного и гуманитарного познания. По мнению автора, особенности историко-научного контекста постановки и исследования проблемы значения в методологии науки XX века привели к необоснованному отождествлению предметно-практической основы референции терминов в естественнонаучном познании с лингвистической основой референции терминов в гуманитарном познании.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/6-1/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(80): в 2-х ч. Ч. 1. С. 193-196. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

7. **Evans G.** Measure for Measure: Evaluating the Evidence of Culture's Contribution to Regeneration // *Urban Studies*. 2005. Vol. 42. № 5-6. P. 959-983.
8. **Florida R.** *The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. Basic Books, 2002. 404 p.
9. **García B.** Cultural Policy and Urban Regeneration in Western European Cities: Lessons from Experience, Prospects for the Future // *Local Economy*. 2004. № 19 (4). P. 312-326.
10. **Harvey D.** *The Urban Experience*. Oxford: Oxford University Press, 1989. 293 p.
11. **Helbrecht I.** Conflict, Consent, Cooperation: Comprehensive Planning in Germany beyond Market and State // *Managing and Marketing of Urban Development and Urban Life* / ed. by G. O. Braun. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 1994. P. 521-551.
12. **Kavaratzis M.** From City Marketing to City Branding: Towards a Theoretical Framework for Developing City Brands // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2004. № 1 (1). P. 58-73.
13. **Landry Ch.** *The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators*. Earthscan, 2000. 300 p.
14. **Landry Ch., Bianchini F.** *The Creative City*. L.: Demos, 1995. 235 p.
15. **O'Dell T.** Experiencescapes: Blurring Border and Testing Connections // *Experiencescapes. Tourism, Culture and Economy* / ed. by T. O'Dell and P. Billing. Copenhagen: Copenhagen Business School Press, 2005. P. 11-33.
16. **Scott A.** The Cultural Economy of Cities // *International Journal of Urban and Regional Research*. 1997. № 21 (2). P. 323-339.
17. **World Urbanization Prospects: The 2014 Revision, Highlights**. N. Y.: United Nations, 2014. 28 p.
18. **Young P. A.** The Culture Based Model: Constructing a Model of Culture // *Educational Technology & Society*. 2008. № 11 (2). P. 107-118.

CULTURAL AND AESTHETIC COMPONENTS IN DEVELOPMENT OF MODERN TOWNS

Chaika Yuliya Aleksandrovna

*National Research Tomsk Polytechnic University
y.chayka@yandex.ru*

In the article the main urban development strategies in the modern world are considered, the role of cultural and aesthetic components in development of contemporary urban space is studied. In this regard, approaches of today's researchers-urbanists are systematized, as well as positive and negative consequences of urban cultural transformations that affect the lives and worldview of urban residents are analyzed. The author substantiates a thesis that the modern town and its environment are a result of transformations generated by "experience economy".

Key words and phrases: "experience economy"; urban planning; creative economy; cultural component; model of urban development; aestheticization of urban space.

УДК 167

Философские науки

В статье рассматриваются референтивные аспекты значения терминов естественнонаучного и гуманитарного познания. По мнению автора, особенности историко-научного контекста постановки и исследования проблемы значения в методологии науки XX века привели к необоснованному отождествлению предметно-практической основы референции терминов в естественнонаучном познании с лингвистической основой референции терминов в гуманитарном познании.

Ключевые слова и фразы: научные термины; значение; референция; смысл; естествознание; гуманитарное познание.

Чернякова Наталия Степановна, д. филос. н., профессор

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
Cherns2011@yandex.ru*

ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНЫХ ТЕРМИНОВ КАК ПРЕДМЕТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Среди множества проблем, исследование которых позволяет выйти на новый уровень понимания специфики различных видов познания, проблемы семантики научных терминов занимают особое место. Начиная со второй половины XX в., анализ логико-семантических аспектов научного познания был неразрывно связан со всеми дискуссионными вопросами историко-научных и философско-методологических исследований науки. Осознание референции научных терминов как проблемы было в значительной мере порождено концепцией научных революций Т. Куна [4], обсуждение которой в мировом научном сообществе положило начало формированию историко-научного подхода как одного из определяющих направлений изучения науки второй половины XX в.

Историко-научные исследования социокультурных факторов развития научного познания явились важным этапом на пути преодоления ограниченности неопозитивистской методологии. Однако признание «кровного родства» науки с другими социокультурными феноменами породило отношение к научному познанию как к разновидности текстовой деятельности, язык которой по существу и характеру функционирования ничем не отличается от естественного языка [13]. Следствием отождествления теоретического языка

науки с естественным языком стала постановка вопросов о значении одних и тех же терминов в последовательно сменяющих друг друга теориях [8, с. 14] и о возможности и границах перевода языка одной теории на язык другой теории [1; 5; 9; 10; 12; 14; 16].

Вопрос о том: зачем вообще астрономам мог бы понадобиться перевод языка Птолемея на язык Коперника, а физикам – перевод языка Ньютона на язык Эйнштейна, – если и задавался, то вряд ли был услышан [6, с. 407-418]. В контексте дискуссий о несоизмеримости сменяющих друг друга научных теорий, о непереводаемости научных терминов одной теории на язык другой теории и даже о неспособности адептов сменяющих друг друга теорий видеть одни и те же объекты наблюдения сомнению была подвергнута даже классическая идея Г. Фреге о том, что референция научного термина имеет более фундаментальное значение, чем смысл, потому что смысл термина может изменяться, а референция оставаться неизменной [8, с. 59-60]. «Основной вопрос» для исследователей семантики научных терминов заключался не в стабильности или постоянстве референции, а в том, «каким образом возможно специфицировать референты и соответственно их изменения в конкурирующих теориях?» [Там же, с. 33].

Между тем, идею Фреге о фундаментальном значении референции научных терминов следует интерпретировать как указание на то, что наличие предметно-практического взаимодействия с изучаемым объектом в процессе научно-экспериментальной практики исключает отождествление референтативных и смысловых аспектов значения терминов естествознания. «Жесткая связь» референта и естественнонаучной теории состоит не в том, что значения терминов остаются неизменными, а в том, что на каждом данном этапе исследования ученый точно знает, какой именно объект исследования обозначается терминами «электрон», «масса» или «валентность». И, даже придерживаясь диаметрально противоположных гипотез строения планетарной системы, включающей Солнце и Землю, в условиях реальной практики научного познания невозможно усомниться в том, что у геоцентрической и гелиоцентрической гипотез один и тот же референт/объект.

Только восприятие естественнонаучного познания как разговорной практики может препятствовать пониманию того, что независимо от степени абстрактности или теоретической нагруженности тех или иных терминов данность объекта исследования в непосредственном предметно-практическом взаимодействии обеспечивает соотносительность любых научных терминов с некоторым фрагментом объективной реальности. Именно поэтому все сложности перевода с языка одной научной теории на язык другой научной теории, возникающие в процессе научных революций, связаны не с проблемой референции (которой в сознании естествоиспытателей просто не существует), а с концептуальными различиями в понимании одних и тех же референтов. Собственно, концептуальные преобразования, именуемые научными революциями, происходят только тогда, когда принципиально изменяется не объект исследования, а теоретическое понимание этого объекта, что и происходило как в процессе рождения классического естествознания в XVII в., так и в процессе возникновения неклассической науки в начале XX в.

Поскольку взаимодействие с референтом в естественнонаучном познании всегда ограничено предметно-практической деятельностью субъекта познания, на одном уровне этого взаимодействия достаточно одной теории, а на другом – требуется новая теория. При этом каждая из теорий отсылает либо к одному и тому же референту, либо к различным сторонам одного и того же референта. Как справедливо отмечали критики Куна, нет нужды «использовать ОТС для вычисления мореходного календаря» [11, с. 342].

Таким образом, исследование проблемы референции терминов в естествознании можно рассматривать как пример ошибочной референции, поскольку в реальной практике естественнонаучного познания такой проблемы никогда не существовало.

Действительным объектом исследования проблема референции является в гуманитарном познании, которое, однако, никогда не рассматривало ее в качестве существенной. Несмотря на то, что множество значений одного и того же термина может означать либо разную референцию, т.е. разные объектные области, либо разные смыслы данного термина, т.е. разные концепции одного и того же референта, гуманитарии не склонны к методологической рефлексии по поводу многозначности или референции терминов гуманитарного познания. Напротив, определяя один и тот же термин несколькими или даже сотнями (как в случае с термином «культура» [3, с. 9-17]) различных способов, гуманитарии уверены, что говорят об одном и том же объекте. Более того, многозначность терминов рассматривается представителями гуманитарного познания как выражение специфики гуманитарных исследований.

Перечисление значений соответствующего слова в естественном языке и практике повседневного общения как неотъемлемая часть гуманитарного подхода к исследованию содержания любого понятия свидетельствует о стремлении создать «общий универсум рассуждений» [14, с. 79], содержащий общее для всех исследователей указание на те объекты, которые они изучают, не столько логическими или эпистемологическими, сколько лингвистическими средствами.

Парадоксальность ситуации состоит, однако, в том, что, даже отождествляя изучение объекта реальности с изучением семантики слов обыденного языка, гуманитарии не придают значения тому, что именование предмета рассуждения одним и тем же термином: «культура», «ценность», «образование» и т.п. – может быть проявлением омонимии, а отнюдь не тождества референции данного термина. Так, слово «культура» может использоваться в различных значениях, подобно слову «коса». Однако в случае с «косой» всем понятно, что различия в употреблении одного и того же слова для обозначения орудия труда, женской прически и конфигурации береговой линии носят не концептуальный, а семантический характер, и что в разных значениях слово «коса» обозначает различные референты. Что касается слова «культура», то наличие сколь угодно большого списка его значений воспринимается в методологии гуманитарного познания как проявление

многообразия концептуальных подходов, и вопроса о референтах термина, вводимого различными определениями, даже не возникает.

Бесспорно, любой термин можно употребить в различных значениях. Вопрос лишь в том, какова методологическая значимость подобного употребления, и главное: что дает основание полагать, что, употребляя термин в различных и произвольных значениях, мы продолжаем обсуждать особенности одного и того же объекта/референта?

Иллюзия интуитивной ясности референции терминов гуманитарного познания возникает потому, что само по себе человеческое бытие, неотъемлемым элементом которого является язык, воспринимается как общий референт всех терминов, используемых в процессе познания любых аспектов этого бытия. Однако общий для всех субъектов познания контекст бытия обеспечивает инвариантность значения категорий мышления, но не терминов конкретно-научного или гуманитарного исследования [15, с. 23-33].

Слово как элемент естественного языка не тождественно термину специализированного языка одного из видов познания [10, с. 31-34]. Термины гуманитарного познания обозначают не чувственно воспринимаемые, а абстрактные объекты, специфика которых состоит в том, что они не могут получить эмпирическую интерпретацию в процессе научно-экспериментальной или коммуникативной практики. Все термины гуманитарного познания вводятся посредством определений, задающих область их объектного (референтативного) значения. Это значит, что, в отличие от терминов естественнонаучных теорий и подобно терминам математических теорий, термины гуманитарного познания *определяют* исследуемый объект, а *не описывают* его [14, с. 89].

За каждым определением стоит свой собственный референт/объект. Введение одного и того же термина хотя бы двумя разными определениями требует либо доказательства тождественности определений, либо признания нетождественности референтов, поскольку у различных определений не может быть одного и того же референта [2, с. 111-112]. Напротив, каждое определение становится «свернутой концепцией» референта и делает различие между значением и смыслом данного термина невозможным.

Ошибочно полагать, что, употребляя один и тот же термин, но определяя его множеством различных способов, мы тем самым выделяем лишь отдельные аспекты изучения одного и того же референта. Тот, кто определяет ценности как «любые значимые для человека явления», и тот, кто определяет ценности как «конечные цели-смыслы человеческой жизнедеятельности», изучают разные объекты, выступающие референтами одного и того же термина «ценности» [15, с. 139-154]. И различия в определениях не могут быть представлены как концептуальные, потому что введение теоретического объекта через различные определения требует обоснования того, что речь идет об одном и том же референте/объекте. Само по себе употребление одного и того же термина не означает тождества референции [7, с. 181]. Для того, чтобы установить тождество референта, необходимо доказать тождество определений. Однако ни эмпирически, ни логически, ни семантически термин, определяемый как «любые значимые для человека явления», не тождествен термину, определяемому как «конечные цели-смыслы человеческой жизнедеятельности».

Перечисление семантических значений слова в естественном языке не может обеспечить предметное единство гуманитарного исследования. Если гуманитарное познание является не собранием обыденных рассуждений людей о жизни, а особым видом теоретического отображения сущности человеческого бытия, то слова естественного языка должны получить статус терминов, однозначно интерпретируемых в рамках той или иной концепции.

Преобразование слова в термин требует его определения, посредством которого будет введен как референт данного термина (теоретический объект), так и его концептуальный смысл. Употребление терминов в строгом или вполне определенном значении позволяет дифференцировать контексты, в которых исследуются различные объекты реальности, от тех контекстов, в которых обсуждаются различные модели (концепции) одного и того же объекта. Отсутствие подобной дифференциации, характерное для гуманитарного познания, приводит к действительной несоизмеримости рассуждений, относящихся к различным объектам реальности, но именуемых одним и тем же термином.

В заключение необходимо подчеркнуть, что невнимание к вопросу о значении терминов, используемых в теоретических исследованиях любого вида: математических, логических, естественнонаучных, гуманитарных или философских, – ставит под вопрос характер самой деятельности, именуемой «исследовательской».

Список источников

1. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание / пер. с англ.; общ. ред. и послесл. И. Б. Новика и В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1988. 507 с.
2. Горский Д. П. Определение (логико-методологические проблемы). М.: Мысль, 1974. 312 с.
3. Ионин Л. Г. Социология науки: учебное пособие. М.: Логос, 1996. 280 с.
4. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ.; общ. ред. и послесл. С. Р. Микулинского и Л. А. Марковой. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
5. Логико-философский анализ понятийного аппарата науки. Киев: Наукова думка, 1977. 226 с.
6. Патнэм Х. Как нельзя говорить о значении (комментарий к статье Дж. Дж. Смарта) // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки: сб. переводов / сост., вступ. ст. и общ. ред. Б. С. Грязнова и В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1978. С. 396-418.
7. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. 376 с.
8. Петров В. В. Семантика научных терминов. Новосибирск: Наука, 1982. 128 с.
9. Пути формирования нового знания в современной науке. Киев: Наукова думка, 1983. 230 с.
10. Ракитов А. И. Философские проблемы науки. Системный подход. М.: Мысль, 1977. 270 с.

11. Смарт Дж. Дж. Конфликтующие точки зрения по проблеме объяснения // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки: сб. переводов / сост., вступ. ст. и общ. ред. Б. С. Грязнова и В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1978. С. 337-352.
12. Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки: сб. переводов / сост., вступ. ст. и общ. ред. Б. С. Грязнова и В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1978. 487 с.
13. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки / пер. с англ. и нем.; общ. ред. и авт. вступ. ст. И. С. Нарский. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
14. Целищев В. В., Карпович В. Н., Поляков И. В. Логика и язык научной теории. Новосибирск: Наука, 1982. 190 с.
15. Чернякова Н. С. Содержание и смысл категории «истина». СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. 244 с.
16. Чудинов Э. М. Природа научной истины. М.: Политиздат, 1977. 312 с.

MEANING OF SCIENTIFIC TERMS AS A SUBJECT OF METHODOLOGICAL REFLECTION

Chernyakova Nataliya Stepanovna, Doctor in Philosophy, Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia in Saint Petersburg
Cherns2011@yandex.ru

The article deals with referentative aspects of meaning of terms of natural-science and the humanities cognition. The author believes that peculiarities of historical and scientific context of statement and investigation of the problem of meaning in methodology of science of the XX century have led to unjustified identification of the subject-practical basis of terms reference in natural-science cognition with the linguistic basis of terms reference in the humanities cognition.

Key words and phrases: scientific terms; meaning; reference; sense; natural science; cognition pertaining to the humanities.

УДК 130.2:81.371

Философские науки

В статье рассматривается феномен приватности как неотъемлемый аспект человеческого достоинства. Наличие приватного пространства является предпосылкой безопасности, свободы и самоуважения. Нормальные отношения в обществе возможны только при условии уважения права на приватность. Отказ в нем означает непризнание субъектности и автономии личности, подавление человеческой самости (self).

Ключевые слова и фразы: приватность; достоинство; индивидуализм; личные границы; автономия личности; уважение и самоуважение.

Чеснокова Леся Владимировна, к. филос. н.

г. Омск

L.Tchesnokova@mail.ru

ПРАВО НА ПРИВАТНОСТЬ КАК НЕОБХОДИМЫЙ АСПЕКТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА

Тема приватности занимает в последнее время важное место в научных исследованиях: в философии, психологии, социологии, праве как междисциплинарной проблеме. Она связана с вопросами гуманизма, ценности личности, достоинства человека. Уважение к приватному пространству является индикатором степени развития общества. Неприкосновенность частной жизни и жилища во всех развитых странах входит в базовые права человека, будучи важным признаком правового демократического государства. Наличие приватного пространства – это условие психологического благополучия, чувства безопасности, свободы и самоуважения. Умение устанавливать и защищать личные границы способствует успешной коммуникации в обществе.

В последнее время происходит осмысление как необходимости приватности, так и проблем, связанных с нарушением личных границ. В результате слома общественной системы, в которой преобладало коллективистское сознание, произошла смена идеологии и открытие западных ценностей, среди которых важнейшее место занимает индивидуализм, включающий в себя право на свободу от непрошеного вмешательства.

В «Новой философской энциклопедии» приватность определяется как «сфера жизненных интересов, жизнедеятельности, эмоций, привязанностей отдельного человека, частного лица, индивида, обособленная от других общественных сфер» [2]. Если публичная сфера характеризуется открытостью и гласностью и принадлежит всем членам общества, то ключевыми характеристиками приватности выступают закрытость от посторонних, интимность и индивидуальность. Здесь человек может развивать неформальные отношения с близкими ему людьми, родственниками и друзьями. Право на приватность защищает индивида или группу от недружественной внешней среды, дает возможность скрывать от других информацию о себе.

В 1890 году в США юристы С. Уоррен и Л. Брендейс написали статью «Право на приватность», в которой они провозгласили «право быть оставленным в одиночестве» (“right to be let alone”), используя эту фразу как определение приватности. “Right to be let alone” подразумевает возможность выбрать уединение от других людей и быть защищенным от чужих взглядов в приватном пространстве, например, в собственном доме. Право